Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 4 (28).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (28), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+82.0+811.111-26
ББК 83.3(2Рос=Рус)+83
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-31-56
https://elibrary.ru/JQVLXI

© 2024. Татьяна Ковалевская
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Метафизика в «Записках из подполья» и трудности перевода — от семантики до грамматики

© 2024. Tatyana V. Kovalevskaya
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

Metaphysics in *Notes from Underground* and Translation Difficulties from Semantics to Grammar

Информация об авторе: Татьяна Вячеславовна Ковалевская, доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой европейских языков Института лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-0527-2289
Email: tkowalewska@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема эквивалентного перевода текстов Ф.М. Достоевского на материале отдельных фрагментов повести «Записки из подполья» и двенадцати ее английских переводов. В фокусе анализа — отрывки, связанные с антиаксиологемами «зло» и «злость», а также со скрытыми цитатами из «Суммы теологии» св. Фомы Аквинского. Корректная передача этих фрагментов связана с сутью вертикально ориентированной, трехчастной структуры вселенной Достоевского, где человек связан одновременно с Богом и другими людьми, и ни одну из этих связей невозможно нарушить без ущерба для второй. При нарушении связи с Богом человек превращается из наделенного свободной волей субъекта в марионетку безличных и непостижимых сил, не несущую никакой ответственности за собственные поступки. В таком мире разрушаются также и связи между людьми, более не способными ни к подлинно свободному действию, ни к осмысленному взаимодействию друг с другом. Такой мир предстает у Достоевского миром «среды», где человек полностью зависит от общества. В контексте переводной литературы в этой ситуации также разрушается универсальная приложимость положения героя к любому

человеку в любую эпоху, и он превращается сугубо в продукт собственного времени и собственного общества. Поскольку эквивалентный перевод предполагает «полноценную передачу денотативного содержания оригинала», задача исследования — оценить, насколько в переводах сохранена семантика оригинала, а также библейские и теологические отсылки, которые считывались современниками Достоевского даже в подвергшемся цензуре тексте «Записок из подполья».

Ключевые слова: эквивалентный перевод, скопос-теория, естественная теология, св. Фома Аквинский.

Для цитирования: *Ковалевская Т.В.* Метафизика в «Записках из подполья» и трудности перевода — от семантики до грамматики // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 4 (28). С. 31–56. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-31-56

Information about the author: Tatyana V. Kovalevskaya, DSc in Philosophy, Associate Professor (VAK), Chair, European Languages Department, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125993 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-0527-2289

E-mail: tkowalewska@yandex.ru

Abstract: The article investigates several excerpts from Fyodor Dostoevsky's *Notes from Underground* and twelve of its English translations to consider the problem of equivalent translation of Dostoevsky's works. The analysis focuses on fragments linked with the anti-axiologemes *zlo* (evil) and *zlost'* (anger, spite, malice, wickedness) and with allusions to St. Thomas Aquinas' *Summa Theologiae*. Rendering these fragments correctly has crucial importance for preserving Dostoevsky's vertically structured tri-partite universe where the human being is connected simultaneously with God and with other people, and none of these ties can be broken without detriment to the other one. When human beings' tie to God is severed, humans cease having agency and free will and transform into puppets at the mercy of impersonal and unknowable forces; such a puppet also has no responsibility for its own actions. This is the world of severed connections between people who are no longer capable of truly free action or of meaningful interactions. In Dostoevsky, this is the world of the "environment" where human beings are completely dependent on society. When we are dealing with literature in translation, it also means that the protagonist's situation is no longer universally applicable to any person at any time, and instead, this person becomes the product exclusively of their own time and their own society. Since equivalent translation entails "fully rendering the denotative contents of the original," research aims to see whether translators succeeded in fully rendering the original semantics as well as Biblical and theological allusions that had been identified by Dostoevsky's contemporaries even in the censored version of *Notes from Underground*.

Keywords: equivalent translation, skopos theory, natural theology, St. Thomas Aquinas.

For citation: Kovalevskaya, T.V. "Metaphysics in *Notes from Underground* and Translation Difficulties from Semantics to Grammar." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (28), 2024, pp. 31–56. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-31-56

Имя Ф.М. Достоевского стало одним из синонимов русской культуры по всему миру, как и имена Толстого, Чехова, Чайковского, художников русского авангарда. Его популярность проявляется, например, в многочисленных экранизациях его произведений в разных странах. На начало 2024 года на сайте IMDb.com указано 317 фильмов, связанных с его именем, и даже «Записки из подполья», не самый, казалось бы, киногеничный текст, экранизировались по меньшей мере трижды: в США в 1995 году и в Канаде и Австралии в 2019. Однако какого именно Достоевского читают англоязычные читатели и какое влияние структура языков перевода оказывает на передачу базовых смыслов творчества Достоевского? В данной статье мы проанализируем избранные фрагменты из английских переводов «Записок из подполья», чтобы оценить степень адекватности переводов метафизической проблематике повести и философской антропологии Достоевского.

В современной теории перевода есть целый спектр представлений о том, как должен выглядеть хороший перевод; основными категориями оценки переводов в современном отечественном переводоведении являются «адекватность» и «эквивалентность», где «*эквивалентность* — это полноценная передача денотативного содержания оригинала с соблюдением языковых и узуальных норм переводящего языка (ПЯ), с сохранением структурно-семантических особенностей ИТ и с учетом равноценного регулятивного воздействия на адресата ПТ. <…> *Эквивалентный перевод* — это перевод, в котором переданы все типы эквивалентности. *Адекватный перевод* — это перевод, в котором переводчик, исходя из цели перевода и характера адресата, передает лишь денотативную эквивалентность, а остальными типами эквивалентности он может пренебречь» [Шамова, 2005, с. 172, 179]. При этом понятно, что в силу различий между языком оригинала и языком перевода «текст перевода никогда не может быть абсолютно эквивалентным тексту ИЯ, но переводчик должен всегда стремиться к более полной эквивалентности» [Шамова, 2005, с. 177]. Однако прежде чем определять эквивалентность перевода, надо понять, чему должен быть эквивалентен перевод. Одним из упреков в адрес т.н. скопос-теории, где критерием качества перевода выступает соответствие целям, которые ставит перед собой переводчик, является то, что, по мнению исследователей, такая теория ставит переводчика в центр акта коммуникации: «Переводчик выступает не в качестве простого посред-

ника, а как языковой консультант, специалист, хорошо знающий язык, культуру, экономику соответствующей страны и способный создать такой текст, который нужен для успешной деятельности с представителями этой страны. Можно представить и такой случай, когда текста оригинала вообще не существует и переводчик самостоятельно создает свой текст, руководствуясь знанием цели или указаниями заказчика» [Комиссаров, 2000, с. 82].

Хотя заключительное предположение Комиссарова кажется весьма радикальным, но схожие практики были широко распространены, например, во французских и русских переводах XIX века, когда Ж. Жанен фактически переписал «Клариссу, или Историю юной леди» С. Ричардсона, объясняя это тем, что «высокие красоты “Клариссы” жестоко загромождены бесконечными длиннотами. <…> “Когда уже делают сокращения самых важных исторических сочинений, то, конечно, полезно было бы сократить и эти длинные романы до размеров более приличных настоящему времени… Изобретения воображения не имеют права на такое продолжительное внимание”» [Жанен, 1848, с. 138] (в этом же томе печатался «Дон Карлос» Ф. Шиллера в переводе М.М. Достоевского), а русские переводчики, в свою очередь, руководствуясь, видимо, прежде всего цензурными соображениями, внесли свои коррективы в перевод Жанена, переводя его на русский.

Один из первых переводов на французский язык «Записок из подполья» представлял собой еще более радикальную вольность в обращении с текстами: «Записки из подполья» стали, под названием «Лиза», второй частью романа под общим названием «Подпольный дух» («L’esprit souterrain»[1]), а его первой частью, под названием «Катя», послужила «Хозяйка». Безымянный герой «Записок» превратился в Ордынова, и переводчики от себя вписали традиционно представляемое читателю объяснение того, как личные записки попали в руки издателя — рукопись подпольного/«Ордынова» была куплена у Аполлона [Гальцова, 2021, с. 23–27].

Переводчик действительно оказывается центральным звеном акта переводческой коммуникации хотя бы потому, что именно через его сознание преломляется переводимый текст, именно он выбирает из множества значений слов и вариантов их перевода те, которые он считает наиболее подходящими для достижения эквивалентности

[1] Возможно, интересно будет отметить, что и во французском, и в английском языках для слова «подпольный» используется слово, означающее, по сути, «подземный».

перевода, и этот отбор осуществляется в соответствии с его представлениями о переводимом тексте, его философских, религиозных, эстетических, антропологических основаниях и о совпадении этих оснований с представлениями принимающей культуры.

Поэтому, прежде чем приступать непосредственно к анализу переводов, необходимо сделать несколько общих предварительных замечаний. Творчество Достоевского отличают следующие черты: оно вертикально структурировано и метафизично, и именно метафизика определяет все стороны земной жизни человека. Российские исследователи творчества Достоевского последовательно писали об этом. Так, Т.А. Касаткина, анализируя широкую историческую перспективу жанров и место в ней Достоевского, отмечала, что «в горизонтали человек определяется (и существует!) лишь в своих отношениях (акциденциально)», и хотя Достоевский и «начинает <…> все же, в ранних романах, с “удлинения” горизонтальных связей, <…> в великих романах истинными и решающими становятся связи вертикальные» [Касаткина, 2004, с. 129]. К.А. Степанян, анализируя творческий метод Достоевского, пишет, что здесь «мир воссоздан и показан в полном объеме, реальность духовной жизни человека и “миров иных” составляет единую основу изображаемого. События происходят здесь и сейчас, но на фоне совершающейся в вечности Евангельской истории и в перспективе грядущего Царства Божия. Эти два плана изображения — мир земной и мир Небесный, время и вечность — постоянно сосуществуют во взаимопроникновении и почти все персонажи в той или иной степени осознают это и действуют в соответствии с этим» [Степанян, 2005, с. 102]. Одновременно в мысли Достоевского отношения человека с Богом и другими людьми всегда формируют треугольник, из которого нельзя вынуть какую-то одну сторону — треугольник немедленно рушится весь. Без веры в Бога и любви к нему невозможно любить человека, и без любви к человеку невозможна вера в Бога. Этот треугольник описывается в «Братьях Карамазовых», но на нем построено все творчество Достоевского. В ответ на вопрос о том, как бороться с неверием, старец Зосима отвечает: «Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не возможет зайти

в вашу душу. Это испытано, это точно» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 51].

В такой антропологической системе человек предстает свободным и ответственным субъектом, а вот изъятие из этой системы Бога превращает человека в марионетку социума, именовавшегося в XIX веке «средой». А как писал Достоевский в «Записках из Мертвого дома», «Пора бы нам перестать апатически жаловаться на среду, что она нас заела. Это, положим, правда, что она многое в нас заедает, да не всё же, и часто иной хитрый и понимающий дело плут преловко прикрывает и оправдывает влиянием этой среды не одну свою слабость, а нередко и просто подлость, особенно если умеет красно говорить или писать» [Достоевский, 1972–1990, т. 4, с. 142].

Однако применительно к «Запискам из подполья» вопрос воплощения вышеуказанных философских оснований в тексте не так прост, как может показаться. Примечание «редактора записок» на первой странице словно бы предлагает чисто социальный взгляд на появление «подпольного человека», выдвигающий на первый план социум в ущерб метафизике: «В этом отрывке, озаглавленном “Подполье”, это лицо рекомендует самого себя, свой взгляд, и как бы хочет выяснить те причины, по которым оно явилось и должно было явиться в нашей **среде**» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 99]. Слово «среда» у Достоевского — маркер представления человека как существа исключительно социального, порождения социума и ничего более. Ряд фрагментов «Записок» словно бы подкрепляет такую трактовку текста, например, описание пребывания подпольного в школе и того эффекта, который школьная социализация имела на обучавшихся там детей: «Сколько прекрасных собой детей поступало к нам. Чрез несколько лет на них и глядеть становилось противно» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 139]. Таким образом, «Записки из подполья» можно представить книгой о том, как общество, «среда», калечит человеческую личность, превращая ее в «мышь» из подполья.

С другой стороны, известная цитата из письма Достоевского к брату Михаилу задает совсем другое понимание повести: «Свиньи цензора, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал *для виду*, — то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа — то запрещено. Да что они, цензора-то, в заговоре против правительства, что ли?» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 73]. Здесь корни проблемы протагониста-антигероя «Записок из

подполья» уходят в метафизическую проблематику человеческого бытия, а «среда» оказывается удобной дымовой завесой, за которой антигерой скрывает тот факт, что он сам — главная причина своего подпольного существования.

Однако цензурная история повести ставит вопросы читательской рецепции: если выведение потребности веры и Христа из текста исключено, насколько реально догадаться о такой сверхзадаче повести из самого текста? Не ставятся ли перед переводчиком и читателем (а переводчик всегда вначале читатель) невыполнимые требования?

Но уже непосредственно после первой публикации «Записок» современники Достоевского «считывали» метафизическую проблематику повести даже в ее искалеченном цензурой виде. М.Е. Салтыков-Щедрин в «Стрижах», довольно злой пародии на Достоевского, назвал ее «Записками о бессмертии души» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 6, с. 493]. Следовательно, переводчик должен дать своему читателю возможность точно так же «считать» метафизический уровень интерпретации текста в своем переводе.

Переводы «Записок из подполья» уже привлекали к себе внимание исследователей [Панова, 2021], [Nadel, 2021], но акцент ставился прежде всего на общем описании переводов и изданий, в которых они выходили, а также на проблематике читабельности в противовес буквальности [Nadel, 2021, p. 91]. Мы в данной работе обратимся к двум небольшим фрагментам, которые, насколько удалось установить, ранее не были предметом подробного переводоведческого разбора (начало повести кратко упоминается в статье, посвященной переводам «Вечного мужа», но никак не анализируется [Мухортов, Герасименко, 2021, с. 22]). Поскольку христианская метафизика покоится прежде всего на противостоянии добра и зла, Бога и сатаны: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 100], мы выбрали два фрагмента, в центре которых находится понятие, которое можно назвать антиаксиологемой. Это самое начало повести, где содержится слово «злой», которое подпольный предлагает как свою сущностную характеристику[2], и связанный с ним фрагмент, где подпольный человек говорит о том, что «злость» могла бы послужить первоначальной причиной. Важность этого фрагмента заключается не

[2] О личности в «Записках из подполья» см., в частности: [Касаткина, 2019, с. 169–178].

только в существительном «злость», субстантивирующем природу подпольного, но и в том, что он пересказывает в усеченном виде второе доказательство бытия Божия св. Фомы Аквинского, доказательство от первопричины [Kovalevskaya, 2021, p. 107–111].

В начале повести подпольный человек говорит о себе: «Я человек больной… Я злой человек» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 99]. Простое, казалось бы, слово «злой» переводчики передают шестью разными способами:

< I am ill; I am **full of spleen** and repellent [Dostoevsky, 1937, p. 5].

< I am a sick man… I am a **spiteful** man [Dostoevsky, 1951, p. 129].

< I am a sick man… I am a **spiteful** man [Dostoyevsky, 1960, p. 3].

< I am a sick man... a **mean** man [Dostoevsky, 1980, p. 90].

< I am a sick man... I am an **angry** man [Dostoevsky, 1972, pt. 1, ch. 1]. К сожалению, в нашем распоряжении оказалось только электронное издание перевода, не имеющее никакой нумерации страниц, поэтому ссылки даются на часть и главу «Записок».

< I am a sick man... I am a **spiteful** man [Dostoevsky, 1992, p. 1].

< I am a sick man... I am a **spiteful** man [Dostoevsky, 1989, p. 3].

< I am a sick man... I'm a **spiteful** man [Dostoevsky, 1991, p. 7].

< I am a sick man... I am a **wicked** man [Dostoevsky, 1993, p. 3].

< I am a sick man... I'm a **spiteful** man [Dostoevsky, 2009a, p. 3].

< I'm a sick man… I am an **evil** man [Dostoevsky, 2009b, p. 3].

< I am a sick man… I am an **evil** man [Dostoevsky, 2014, p. 1].

В русском языке слово «злой» имеет широкий спектр значений [Евгеньева, 1981, т. 2, с. 613][3], включающих в себя как метафизиче-

[3] Мы пользуемся современным словарем, потому что словари, более близкие Достоевскому хронологически, представляются неудовлетворительными. Так, в словаре под редакцией Грота слово «злой» отсутствует, а для слова «зло» даются определения: «1) Вред, лихо, обида, неправда. <…> 2) Преступление. <…> *На зло*, в виде нар<ечия>. В досаду, в противность кому-либо» [Грот, 1847, т. 2, с. 87], а слово «злость» определяется как «1) расположение к причинению ближнему зла. 2) Свирепство, ярость, лютость» [Грот, 1847, т. 2, с. 90]. В словаре В.И. Даля «зло» определяется как «худое, лихое, худо, лихо; противопол. *добро*», а «злой» как «желающий, причиняющий зло другим; вредный, пагубный. О человеке: у кого душа обратилась ко злу, противник всякого блага, добра, порочный, нечестивый; кто жесток, тешась страданьями других. <…> Иногда *злой* означает высшую степень подразумеваемого свойства: *Злой работник, пск. кл.* старательный, ретивый, способный, ловкий» [Даль, 1880, т. 1, с. 706]. При этом в словарях Даля и под редакцией Грота не отмечается значение раздражения на других, не постоянного качества, а временного эмоционального состояния, хотя в русском языке оно уже присутствовало, как видно из данных НКРЯ, где есть, например, пример из водевиля 1833 года: «Уж я тебе говорю, что ты **зол** на него! <…> Право нет; да и за что мне на него злиться, когда я его еще и в глаза не видал?» [Ленский, 1970, с. 61]..

ский компонент (злой дух, злое начало), так и компонент социальный («вызванный, проникнутый злобой, злостью, недоброжелательством», где злоба — «чувство недоброжелательства, враждебности по отношению к кому-л., желание причинить зло» [Евгеньева, 1981, т. 2, с. 612], а «злость» — «злое, раздраженно-враждебное чувство, злоба» [Евгеньева, 1981, т. 2, с. 614]; здесь для нас важен именно элемент раздраженности, гнева, присутствующий в таких фразах, как «ты зол на него»). Слово «злой» может обозначать как сущностное свойство, так и временное, преодолимое эмоциональное состояние, которые оказываются тесно связанными между собой. Таким образом, оно в полной мере воплощает в себе вышеупомянутый религиозно-философский треугольник «человек — Бог — человек», и ненависть к человеку и ненависть к Богу описываются одним и тем же словом «злой».

В английских переводах наиболее распространен вариант — «spiteful» (6 из 12 рассмотренных текстов), производный от английского «spite»: «мелочная недоброжелательность или ненависть и склонность раздражать или мешать» [Merriam-Webster]. Дважды используется прилагательное «evil», связанное с существительным «evil» — «зло» и означающее «нравственно порочный, грешный» [Merriam-Webster]. Один раз употребляется перевод «angry» — «сердитый», «раздраженный» [Merriam-Webster], один раз «mean» — вредный, противный, «характеризующийся мелочным эгоизмом, злобой (malice — желание причинить кому-то боль, беспокойство, нанести рану)» [Merriam-Webster], один раз несколько странный перевод «full of spleen», т.е. полный желчи, либо меланхолии, либо раздражения и недоброжелательства [Merriam-Webster] и один раз — «wicked», синонимичное «evil», означающее также «fierce, vicious», синонимичное со «spiteful» [Merriam-Webster], но также означающее «высшего качества», «замечательный», впервые иронически употребленное в этом значении у Ф.С. Фитцджеральда [Online Etymological Dictionary], а потому в современном английском получающее (как, кстати, и «mean») положительные коннотации, благодаря чему становятся возможными словосочетания вроде «wicked good» [Urban Dictionary]. Слова «зло» и «злой» также употребляются в Библии (дерево познания добра и зла); в Библии короля Иакова различным производным от корня -зл- чаще всего соответствует «evil», однако слово «wicked» также используется, чаще всего в значении «нечестивый»; таким образом, библейскими коннотациями обладают оба

слова. «Evil» и «wicked» передают метафизические коннотации слова «злой», но это происходит в ущерб значению «сердитый, раздраженный». Переводчику, таким образом, приходится делать выбор между социальным и метафизическим уровнями, и по большей части выбор делается в пользу уровня социального. Семантическая структура английских прилагательных такова, что практически ни одно из этих прилагательных невозможно употребить для одновременного описания сущностного состояния и временного эмоционального состояния. Можно быть «evil» или «wicked», но это сущностные характеристики; они прилагаются к духам («an evil spirit»), к ведьмам («wicked witch»), к людям для описания их постоянных свойств («There is no peace, saith my God, to the wicked» (Is. 57: 21); «Нет мира нечестивым, говорит Бог мой»), а также к действиям людей, по отношению к которым они также являются сущностными качествами: «evil thoughts» (злые мысли), «wicked gossip» (злые сплетни). Однако, в противоположность словам «angry» и «spiteful», «wicked» и «evil» очень редко употребляются в значении состояния, в котором один человек временно пребывает по отношению к другому человеку. В корпусах современного английского языка (того языка, на который делаются анализируемые переводы) таких контекстов для «wicked» найдено не было, а для «evil» был найден только один. Слова «mean», «angry» и «spiteful» не обладают библейскими коннотациями; если и могут быть связанными с неким постоянным свойством, то не имеют связи с метафизическим злом. Таким образом, переводчик практически неизбежно теряет одно из возможных значений русского прилагательного «злой». «Evil», хотя и может с натяжкой употребляться для обозначения временного эмоционального состояния, лишено в этой употреблении естественности и распространенности русского слова «злой».

Русское прилагательное «злой» можно связать с двумя однокоренными существительными «зло» и «злость» («злоба» скорее даст «злобный», тогда как «злостный» имеет другое значение, «закоренелый»). «Злость» означает «злое, раздраженно-враждебное чувство, злобу» [Евгеньева, 1981. т. 2, с. 614], тогда как «зло» означает «все дурное, плохое, вредное, противоп<оложное> добро. <...> Беда, несчастье, неприятность. <...> Злое чувство, гнев, досада» [Евгеньева, 1981, т. 2, с. 611–612]. Существительные, с которыми связано прилагательное «злой», становятся актуальными далее, в 5 главе первой части, где появляется слово «злость», что, казалось бы, су-

жает спектр переводов прилагательного «злой» и акцентирует в нем именно социальную составляющую. Однако, как мы увидим ниже, это впечатление обманчиво.

Подпольный человек рассуждает о мщении, которое должно иметь некоторое основание, видит такое естественное основание в справедливости, и объясняет, почему он сам не может мстить: люди

> вследствие своей ограниченности ближайшие и второстепенные причины за первоначальные принимают, таким образом скорее и легче других убеждаются, что непреложное основание своему делу нашли, ну и успокоиваются; а ведь это главное. <...> Где у меня первоначальные причины, на которые я упрусь, где основания? Откуда я их возьму? Я упражняюсь в мышлении, а следственно, у меня всякая первоначальная причина тотчас же тащит за собою другую, еще первоначальнее, и так далее в бесконечность. Такова именно сущность всякого сознания и мышления. Это уже опять, стало быть, законы природы. Что же наконец в результате? Да то же самое. Вспомните: давеча вот я говорил о мщении. (Вы, верно, не вникли.) Сказано: человек мстит, потому что находит в этом справедливость. Значит, он первоначальную причину нашел, основание нашел, а именно: справедливость. Стало быть, он со всех сторон успокоен, а следственно, и отмщает спокойно и успешно, будучи убежден, что делает честное и справедливое дело. А ведь я справедливости тут не вижу, добродетели тоже никакой не нахожу, а следственно, если стану мстить, то разве только из злости. Злость, конечно, могла бы всё пересилить, все мои сомнения, и, стало быть, могла бы совершенно успешно послужить вместо первоначальной причины именно потому, что она не причина. Но что же делать, если у меня и злости нет (я давеча ведь с этого и начал). Злоба у меня опять-таки вследствие этих проклятых законов сознания химическому разложению подвергается. Смотришь — предмет улетучивается, резоны испаряются, виновник не отыскивается, обида становится не обидой, а фатумом, чем-то вроде зубной боли, в которой никто не виноват, а следовательно, остается опять-таки тот же самый выход — то есть стену побольнее прибить. Ну и рукой махнешь, потому что не нашел первоначальной причины [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 108–109]

Этот фрагмент является одним из наиболее метафизически нагруженных в повести. Ранее мы уже упоминали мини-пьесу

Салтыкова-Щедрина «Стрижи» как пример метафизического прочтения «Записок из подполья». Сатирик также увидел в ней прямые заимствования из средневековой схоластики: «Свои доказательства он почерпает преимущественно из Фомы Аквинского, но так как он об этом умалчивает, то читателю кажется, что эти мысли принадлежат собственно рассказчику» [Салтыков-Щедрин, 1965–1977, т. 6, с. 493]. Именно в приведенном фрагменте «Записок» можно увидеть доказательства, позаимствованные из трудов Аквината, а именно, из второго доказательства бытия Божия, доказательства от существования первопричины:

«Второй путь исходит из смыслового содержания действующей причины. В самом деле, в чувственно воспринимаемых вещах мы обнаруживаем порядок действующих причин, но мы не находим того (да это и невозможно), чтобы нечто было действующей причиной в отношении самого себя, поскольку в этом случае оно предшествовало бы себе, что невозможно. Но невозможно и то, чтобы (порядок) действующих причин уходил в бесконечность. Поскольку во всех упорядоченных (друг относительно друга) действующих причинах первое есть причина среднего, а среднее — причина последнего (неважно, одно это среднее или их много). Но при устранении причины, устраняется и её следствие. Следовательно, если (в порядке) действующих причин не будет первого, не будет и последнего и среднего. Но если (порядок) действующих причин уходит в бесконечность, то не будет первой действующей причины, а потому не будет и последнего следствия и средней действующей причины, что очевидным образом ложно. Следовательно, необходимо допускать некую первую действующую причину, которую все называют Богом» [Фома Аквинский, 2006, т. 1, с. 26].

Таким образом, в переводе этого фрагмента переводчикам необходимо учесть не только связь с началом текста, но и усеченный перифраз текста Фомы Аквинского. В этом контексте ключевую важность приобретает уже не только семантика, но и грамматика — притяжательные местоимения, определенный или неопределенный артикль при словах «причина» и «основание», а также неопределенный или нулевой артикль при слове «человек», которые в силу строения языка отсутствуют в русском, но обязательны для употребления в английском.

Текст Достоевского оказывается посвященным ключевому конфликту добра и зла, суть устремлений подпольного — это попытка зла

заместить собой добро на уровне мироздания, иначе говоря, это бунт сатаны против Бога. «Злость» оказывается завуалированной формой описания одной стороны конфликта. Зло у Достоевского склонно скрывать собственное существование. Двойник, Голядкин-младший, мелкий бес [Дилакторская, 1999, с. 127–438], постоянно пытается убедить Голядкина-старшего в том, что вся происходящая чертовщина — вина Голядкина-старшего. Черт Ивана Карамазова при первой же попытке Ивана поверить в его реальность начинает его разубеждать [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 74]. В 1864 году в рассказе «Великодушный игрок» Шарль Бодлер пишет: «Самая изощренная хитрость дьявола состоит в том, чтобы уверить вас, что он не существует!» [Бодлер, 2011, с. 69]. Достоевский приходит к тому же выводу еще раньше французского писателя и заставляет своих мелких бесов разубеждать окружающих в своем существовании. Этому служит и использование слова «злость», но только отчасти, потому что оно все еще связано с корнем -зл-, но метафизический уровень текста проявляется в полной мере в пересказе Фомы Аквинского.

Однако это усеченный пересказ, что создает грамматическую проблему для переводчика. В существующем переводе «Суммы теологии» при слове «причина» стоит неопределенный артикль, поскольку далее следует прямое указание на то, что есть эта некая первая действующая причина — это Бог: «Therefore it is necessary to admit **a** first efficient cause, **to which everyone gives the name of God**» [Thomas Aquinas, 2017, Part 1, Question 2].

Но в усеченном варианте этой фразы неопределенный артикль при слове «cause» позволяет постулировать любую первопричину. Использование притяжательных местоимений ставит под сомнение универсальность первопричин, а неопределенный артикль при слове «man» снимает универсальность понятия «человек». Из универсального повествования о функционировании зла в мироздании «Записки из подполья» превращаются в противопоставление удачно вписавшихся и не вписавшихся в общество индивидуумов.

Слово «основания» тоже имеет религиозные коннотации. Оно появляется в 1 Послании апостола Павла к коринфянам: «Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил **основание**, а другой строит на нём; но каждый смотри, как строит. Ибо никто не может положить другого **основания**, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (1 Кор. 3: 10–11). В английском тексте: “According to the grace of God which is given unto me, as a wise master-

builder, I have laid **the foundation**, and another buildeth thereon. But let every man take heed how he buildeth thereupon. For other **foundation** can no man lay than that is laid, which is Jesus Christ” (1 Cor. 3: 10–11).

Само по себе слово «основание» не несет в себе библейских коннотаций, но в контексте второго доказательства бытия Божия эти коннотации проявляются. В Новом Завете это слово обозначает Христа как единственную основу вероучения, а в истолковании Символа веры у св. Фомы Аквинского эта цитата трактуется как доказательство того, что Христос — основание Церкви: «Fundamentum autem Ecclesiae principale est Christus» (Христос есть главное основание Церкви) [Thomas de Aquino].

«Справедливость» также появляется в тексте не случайно. Она входит в число четырех главных добродетелей (менее известных, чем семь смертных грехов): в православной традиции это «рассудительность, справедливость, умеренность/целомудрие и мужество (φρόνησις, δικαιοσύνη, σωφροσύνη, ἀνδρεία)» [Шленов, 2019, с. 193], а в западной — prudentia, iustitia, temperantia, fortitudo (благоразумие, справедливость, умеренность, мужество / стойкость / сила духа). Св. Фома Аквинский полагает справедливость основной из нравственных добродетелей: «если говорить о законной справедливости (iustitia legali), то очевидно, что она является главнейшей из всех нравственных добродетелей» [Thomas Aquinas, 2017][4]. Таким образом, в рассуждениях подпольного возникает картина человека, осознавшего существование Бога, сделавшего Его основанием своей веры, причастности Церкви, т.е. некоей общности людей, соединенных этой верой, и живущего по справедливости как основной нравственной добродетели, регулирующей взаимоотношения людей («поскольку самое название справедливости подразумевает равенство, она по сути своей означает отношение к другому, поскольку вещь является равной не себе самой, а чему-то другому» [Thomas Aquinas, 2017; Part 2, Question 58]). Важно отметить, что св. Фома выделяет, кроме нравственных, еще и богословские добродетели (вера, надежда, любовь), поэтому на уровне подпольного человека основной модус взаимодействия подпольного с миром веры протекает на уровне естественной теологии.

---

[4] Отметим, что когда, уже после смерти Достоевского, «Сумму теологии» стали переводить на русский язык, слово iustitia перевели словом «правосудность», поскольку латинские iustitia и произведенное от него французское «justice» означают и справедливость, и правосудие.

Однако в тексте взаимодействие с метафизическим уровнем оснований и справедливости происходит на двух уровнях. Первый — это уровень человека, который, на взгляд подпольного, существует в мире неведения о метафизическом уровне бытия. Это своего рода невинность, незнание добра и зла, которое является не только прекрасным состоянием в мире до грехопадения, но и опасным состоянием в падшем мире. (О художественном приеме Достоевского, основанном на этом мнении, см.: [Касаткина, 2007].) Мщение — это прерогатива Бога, утвержденная в этом качестве во Второзаконии («У Меня отмщение и воздаяние» (Втор. 32: 35)) и в Послании к Римлянам («Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Рим. 12: 19)), и человек, разум которого не привел его к познанию существования Бога (он принимает промежуточные причины за первоначальную), делается мстителем и совершает невинное богохульство, даже не сознавая этого. Сам подпольный оперирует на другом уровне, где должна существовать первоначальная причина, основание, не только веры и Церкви, но и всего мироздания. Так, Бог говорит Иову из бури: «[Г]де был ты, когда Я полагал **основания** земли? Скажи, если знаешь. <...> На чем утверждены **основания** её, или кто положил краеугольный камень её» (Иов. 38: 4, 6). Однако, поскольку задача подпольного состоит в том, чтобы самому заместить собой Бога, он вынужден отрицать первоначальную причину и пытаться поставить на ее место **зло**сть, он обнаруживает, что его собственное существование исчезает в отсутствие его метафизической основы. Корень «-зл-» и часть суффикса «-ость» вместе составляют слово «зло», метафизическую противоположность добра. И хотя «злость» относится к уровню социальных взаимоотношений, через легко прочитываемое в ней «зло» проявляется метафизический уровень бытия.

Насколько переданы эти оттенки смысла в переводах? В качестве материала для сравнения возьмем сокращенный вариант этой цитаты: «Где у меня **первоначальные причины**, на которые я упрусь, где **основания**? Откуда я их возьму? Я упражняюсь в мышлении, а следственно, у меня всякая первоначальная причина тотчас же тащит за собою другую, ещё первоначальнее, и так далее в бесконечность. <...> **человек** <...> **первоначальную причину** нашёл, основание нашёл, а именно: справедливость. <...> **Злость**, конечно, могла бы всё пересилить <...> и, стало быть, могла бы совершенно успешно послужить вместо первоначальной причины именно потому, что она не причина».

Разброс переводов этого фрагмента невелик (релевантные фрагменты выделены полужирным шрифтом, в скобках после цитаты для удобства читателя указан перевод слова «злой» из начала повести).

< Whence do I derive **my primary causes**? Whence **my bases**? Well, first of all I begin thinking things over; which has the effect of leading each original cause thought of to attract to itself some cause a good deal more primary, more original still. ... **a man** ... has found **this original cause** for action in **justice**... Of course, **malice may** succeed in overcoming one's doubts – it **may** serve (and with perfect success, too) as **a first cause** for action (though it is nothing of the sort)... [Dostoevsky, 1937, p. 22] (full of spleen).

< Where are **the primary causes** on which I am to build? Where are my foundations? Where am I to get them from? I exercise myself in reflection, and consequently with me every primary cause at once draws after itself another still more primary, and so on to infinity. ... **a man** ... has found **a primary cause**, that is, **justice**. ... **Spite**, of course, might overcome everything, all my doubts, and so might serve quite successfully in place of **a primary cause**, precisely because it is not a cause. [Dostoevsky, 1951, p. 139–140] (spiteful).

< Where are **the primary causes** on which I am to build? Where are **my bases**? Where am I to get them from? I exercise myself in the process of thinking, and consequently with me every primary cause at once draws after itself another still more primary, and so on to infinity. ... **a man** ... has found **a primary cause**, found **a basis**, to wit, **justice**. ... **Spite**, of course, might overcome everything, all my doubts, and could consequently serve quite successfully in a place of **a primary cause**, precisely because it is not a cause. [Dostoyevsky, 1960, p. 17] (spiteful).

< Where will I find **the primary reason** for action, the **justification** for it? I exercise my power of reasoning, and in my case, every time I think I have found **a primary cause** I see another cause that seems to be truly primary, and so on and so forth, indefinitely. ...**a man** ... has found **the primary reason**, the **basis** for his action, which, in this case, is **Justice**. ... **Anger**, of course, overcomes all hesitations and can thus replace **the primary reason** precisely because it is no reason at all [Dostoevsky, 1980, p. 103] (mean).

< Where are **the primary** causes on which I can take my stand, where are **my foundations**? Where am I to take them from? I practise thinking, and consequently each of my primary causes pulls along another, even more primary, in its wake, and so on ad infinitum. ... **a man** ... has found

his primary reason, **his foundation**, namely **justice**. ... **Resentment**, of course, might overcome all my doubts and hesitations, and might therefore serve quite successfully instead of a primary cause, precisely because it isn't a cause [Dostoevsky, 1972, pt. 1, ch. 5] (angry).

< Where are **the primary causes** I can lean on, where are my **basic premises**? Where am I to find them? I exercise myself in thought, and hence, within my mind, every primary cause immediately drags after itself another, still more primary, and so on to infinity. ...**a man**... has found **a primary cause**, **a firm premise** – namely, **justice**. ... **Spite** could, of course, outweigh everything, all my doubts, and thus could quite effectively take the place of **a primary cause**, precisely because it is not a cause [Dostoevsky, 1992, p. 18–19] (spiteful).

< Where are **the primary causes** I can rely upon, where's **the foundation**? Where shall I find it? I exercise myself in thinking, and consequently, with me every primary cause drags in another, an even more primary one, and so on to infinity. ...**a man** ... found **a primary cause**, **a foundation**: namely, justice. ... Of course, **spite** could overcome everything, all my doubts, and therefore could successfully serve instead of **a primary cause** precisely because it's not a cause at all [Dostoevsky, 1989, p. 12–13] (spiteful).

< Where are **the primary causes** that I am to take my stance upon, where are **my bases**? Where am I to take them from? I practise thinking, and as a result any primary cause I have immediately drags another one in tow, one that is even more primary, and so on ad infinitum. ... **man** ... has found **his primary cause**, he has found **a basis** for his action, namely: **justice**. ... **Spite** could of course overcome everything, all my doubts, and therefore it could serve quite successfully in place of **a primary cause** for the very reason that it is not a cause [Dostoevsky, 1991, p. 19–20] (spiteful).

< Where are **the primary causes** on which I can rest, where are **my bases**? I exercise thinking, and, consequently, for me every primary cause immediately drags with it yet another one, still more primary one, and so on ad infinitum. ... **a man** ... has found **a primary cause**, **a basis** – namely, **justice**. ... **Wickedness** could, of course, overcome everything, all my doubts, and thus could serve quite successfully in place of **a primary cause**, precisely in that it is not a cause [Dostoevsky, 1993, p. 17–18] (wicked).

< Where are **my primary causes** on which I can take a stand, where are **my foundations**? I practise thinking and consequently every

primary cause immediately draws another in its wake, one that is even more primary, and so on ad infinitum. ... **a man** ... has found **his primary cause**, has found **a basis** for his actions, namely, **justice**. ... **Spite**, of course, an overcome everything — all my doubts — and therefore it could quite successfully serve instead of **a primary cause** for the simple reason that it's not a cause [Dostoevsky, 2009a, p. 16] (spiteful).

< Where are **the primary causes** which can serve as **my foundation**? Where do I get them? I do thought-exercise, and consequently for me every primary cause immediately drags another cause even more primary in its wake, and so on, ad infinitum. ... **A man** ... [ha]s found **a primary cause**, a **foundation** — to wit: **justice**. ... **The evil** could, of course, overpower everything, all my doubts; and I could therefore quite successfully take the place of **a primary cause**, precisely because it's not a cause [Dostoevsky, 2009b, p. 16–17] (evil).

< Where are **my foundations**? Where am I to get them from? I engage in thinking, and consequently with me every primary cause at once draws another still more primary, and so on endlessly to infinity. ... **a man** ... has found **a primary cause** or **basis** — clearly that is **justice**. ... **Wickedness**, of course, might overcome everything, all my doubts, and so might serve quite successfully in lieu of **a primary cause**, precisely because it is not a cause. [Dostoevsky, 2014, p. 19] (evil).

Неожиданно не все переводчики соблюли параллель между «злой» и «злость». Самый необычный перевод здесь — «resentment», «чувство возмущенного недовольства или постоянного недоброжелательства из-за чего-то, воспринимаемого как несправедливость, оскорбление или ущерб» [Merriam-Webster]. Характерно, что оно этимологически связано со словом ressentiment (ресентимент) [Etymological Dictionary Online]. Понятие «ресентимент», появившееся в трудах Ф. Ницше, подробно разработал М. Шелер, который, противопоставляя ресентимент христианской любви [Шелер, 1999, с. 71–113], при этом писал: «Ни одна литература так не переполнена ресентиментом, как молодая русская литература. Книги Достоевского, Гоголя, Толстого просто кишат героями, заряженными ресентиментом. Такое положение вещей — **следствие многовекового угнетения народа самодержавием и невозможности из-за отсутствия парламента и свободы печати дать выход чувствам, возникающим под давлением авторитета**» [Шелер, 1999, с. 49]. Таким образом, даже понятие, противопоставленное метафизическому явлению, трактуется применительно к русской

литературе как производное истории и социума. Вполне вероятно, что образованный читатель, не знающий русского языка, считает эту аллюзию в английском "resentment." Один только Эндрю Р. Макэндрю последовательно использовал определенный артикль при слове «причина», заставляя читателя задуматься о причине такой конкретизации, и только Джейн Кентиш употребила существительное «man» с нулевым артиклем, превратив его в «человека вообще». Пивир и Волохонская последовательно использовали слово «wicked» и «wickedness», сохраняя метафизический элемент, но грамматически в их переводе утрачена специфичность «первоначальной причины» и обобщенность «человека».

Единственное безусловно сохраненное во всех переводах слово — «справедливость», всеми переведенное как justice (хотя теоретически возможен также перевод fairness). Слово «основание» переводится целым рядом слов: foundation, base, basis, firm premise (буквально «твердая предпосылка»). Все переводы, кроме foundation, нарушают библейские связи текста «Записок». Некоторые переводчики добавляют к «основаниям» action, действие, что, на наш взгляд, также может затруднить считывание метафизических смыслов текста.

Читатель нескольких переводов одного текста часто ощущает себя Агафьей Тихоновной из гоголевской «Женитьбы», которой хочется собрать идеального жениха из всех, кто к ней сватается. Так и читатель переводов «Записок из подполья» испытывает острое желание соединить наиболее удачные варианты из всех переводов, чтобы получить наиболее адекватный исходному тексту вариант. Применительно к «Запискам из подполья» это особенно актуально. Семантически наиболее удачны переводы Якима и Пивира и Волохонской, грамматически — Макэндрю (и отчасти Кентиш), но в целом переводчики Достоевского или не уловили, или предпочли опустить метафизический уровень его текста и превратить «Записки из подполья» в более социально-ориентированный текст, делая это при помощи не только лексико-семантических, но и грамматических средств. В целом, однако, нужно отметить, что к этому выбору переводчиков естественно подводит семантический строй английского языка в сравнении с русским: если в русском языке слово «злой» естественно соединяет в себе отсылки к взаимоотношениям между людьми и взаимоотношениям человека с метафизическим уровнем бытия, то в английском эти значения в основном разделены между

различными синонимами. Часто отмечаемое словарное богатство английского языка может оказаться весьма удобным в публицистике, науке, даже в повседневном общении, заведомо конкретизируя передаваемые смыслы, но оказывается менее продуктивным в художественных текстах, где многозначность и расширение семантики способствуют созданию многозначных образов. Если русский текст естественно способствует сохранению ключевого религиозно-философского треугольника «человек — Бог — человек», то английский текст столь же естественно способствует его разрушению, и только отдельные переводчики пытаются сохранить метафизический элемент повести Достоевского. К таким модификациям текста переводчиков подталкивает как семантический, так и грамматический строй английского языка, но одновременно такой социализированный перевод соответствует тенденциям англоязычной интерпретации русской литературы в целом и Достоевского в частности. Некоторые исследователи просто отрицали наличие метафизического компонента у Достоевского [Christa, 2002, p. 93–110], но даже те ученые, которые признавали важность религиозно-метафизического принципа для Достоевского, зачастую стремились вывести на первый план аспект социальный. Так, например, Р.Л. Джексон, сравнивая интерпретации Гоголя у Белинского (социальная) и Розанова (религиозная), в конечном итоге встает на сторону Белинского (и даже акцентирует элементы традиции Белинского в понимании Гоголя у Достоевского) [Jackson, 1993, p. 188–207]. Русская литература, уходящая корнями в религиозную традицию, несет в себе связанную со своим происхождением презумпцию истинного высказывания о природе человека и мира. В этой связи трактовка человека как существа метафизического или как существа социального определяет восприятие человека читающей аудиторией; в первом случае человек является свободным и ответственным субъектом, во втором — несвободным продуктом воздействия среды, ее марионеткой. Однако подобная интерпретация дает большое пространство для обличения самой среды и, в конечном итоге, для освобождения от ответственности самого человека.

Таким образом, можно заключить, что переводы на английский язык связанных с метафизическим уровнем бытия элементов текста «Записок из подполья» в целом демонстрируют более социально ориентированные толкования переводимого текста и, таким образом, англоязычный читатель получает более социально ориенти-

рованного Достоевского. Вряд ли можно назвать такие переводы полностью эквивалентными и даже адекватными исходному тексту. Наиболее удачным в этом отношении является перевод Б. Якима. Хотя переводы не совсем оторваны от реальности текста Достоевского, делаемый переводчиками выбор между вариантами перевода ключевых лексем писателя, связанных с его аксиологией и философской антропологией, нарушает замысел писателя в нескольких аспектах. Во-первых, разрушается философская антропология писателя, где устанавливается одновременная, ненарушимая связь между отношениями человека с Богом и с другими людьми; во-вторых, социально обусловленный человек оказывается человеком, не несущим ответственности ни за себя, ни за окружающий мир, который зависит от безликой и неопределенной «среды»; и в-третьих, подчеркнуто социальная интерпретация Достоевского позволяет, при желании, сузить масштаб проблематики его произведений до рамок национальной культуры, истории, политики и социальной реальности, поскольку описываемый им человек есть порождение конкретной, национально-специфической среды, тогда как метафизическая трактовка его текстов неумолимо расширяет их масштаб до всего человечества. Удаление из перевода метафизического аспекта зла и злости позволяет англоязычному читателю, *при желании*, выстроить комфортную дистанцию между собой и антигероем Достоевского как порождением чужой культуры, тогда как русскоязычный читатель всегда будет воспринимать подпольного человека как «своего» персонажа.

Список литературы

1. Бодлер, 2011 – *Бодлер Ш.* Стихотворения в прозе (Парижский сплин). Фанфарло. Дневники. СПб.: Наука, 2011. 249 с.

2. Гальцова, 2021 – *Гальцова Е.Д.* Переводы «Записок из подполья» на французский язык: вопросы лингвистики, философии и издательской политики // «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 15–67.

3. Грот, 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. / под ред. Я.К. Грота. СПб.: В тип. Императорской академии наук, 1847.

4. Даль, 1880 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Изд-е книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880.

5. Дилакторская, 1999 – *Дилакторская О.Г.* Петербургская повесть Достоевского. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 348 с.

6. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

7. Евгеньева, 1981 — Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Изд-во «Русский язык», 1981.

8. Жанен, 1848 — *Жанен Ж.* <Мысль предпринять этот труд...> // Библиотека для чтения. 1848. Т. 87. С. 137–143 (вторая пагинация).

9. Касаткина, 2004 — *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 479 с.

10. Касаткина, 2007 — *Касаткина Т.А.* «Братья Карамазовы»: опыт микроанализа текста // «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наука, 2007. С. 283–319.

11. Касаткина, 2019 — *Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 336 с.

12. Комиссаров, 2000 — *Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. М.: ЧеРо; Юрайт, 2000. 136 с.

13. Ленский, 1970 — *Ленский Д.Т.* Хороша и дурна, умна и глупа // Русский водевиль / сост. Н. Шантаренков. М.: Искусство, 1970. С. 53–98.

14. Мухортов, Герасименко, 2021 — *Мухортов Д.С., Герасименко Н.М.* Рассказ Ф.М. Достоевского «Вечный муж»: в поисках решений извечных проблем перевода // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2021. № 4. С. 18–38.

15. Панова, 2021 — *Панова О.Ю.* Опыт англо-американских переводов повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» за сто лет (1913–2014) // «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 90–98.

16. Салтыков-Щедрин, 1965–1977 — *Салтыков-Щедрин М.Е.* Стрижи. Драматическая быль // *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1965–1977. Т. 6. С. 488–494.

17. Степанян, 2005 — *Степанян К.А.* «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского. М.: Раритет, 2005. 507 с.

18. Фома Аквинский, 2006 — *Фома Аквинский.* Сумма теологии. М.: Signum Veritatis, 2006. Т.1. 814 с.

19. Шамова, 2005 — *Шамова Н.В.* Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе // Вестник Московского университета. Серия 1: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 171–180.

20. Шелер, 1999 — *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Университетская книга, 1999. 230 с.

21. Шленов, 2019 — *Дионисий (Шленов), игум.* Учение прп. Никиты Стифата о «четырех главных добродетелях» в контексте античной и византийской литературы. Часть I // Богословский вестник. 2019. Т. 32. № 1. С. 192–209. doi: 10.31802/2500–1450–2019–32–192–209

22. Christa, 2002 — *Christa B.* Dostoevskii and Money // Cambridge Companion to Dostoevskii / Ed. W.J. Leatherbarrow. Cambridge University Press, 2002. Pp. 93–110.

23. Dostoevsky — *Dostoevsky F.* Notes from the Underground / trans. by Constance Garnett. URL: https://www.gutenberg.org/files/600/600-h/600-h.htm (дата обращения: 10.05.2024).

24. Dostoevsky, 1937 — *Dostoevsky F.* Letters from the Underworld. London: J.M. Dent & Sons Ltd.; New York: E.P.Dutton & Co. Inc., 1937. 348 p.

25. Dostoyevsky, 1960 — *Dostoyevsky F.* Notes from Underground, The Grand Inquisitor / selection, introduction, and trans. by Ralph E. Matlaw. New York: E.P. Dutton & Co. Inc., 1960. 272 p.

26. Dostoevsky, 1972 — *Dostoevsky F.* Notes from Underground. The Double / trans. with an Introduction by Jessie Coulson. London: Penguin Books, 1972. 288 p.

27. Dostoevsky, 1980 — *Dostoevsky F.* Notes from Underground, White Nights, The Dream of a Ridiculous Man, and Selections from The House of the Dead / trans. Andrew R. MacAndrew. New York: Signet Classics, 1980. 239 p.

28. Dostoevsky, 1989 — *Dostoevsky F.* Notes from Underground / trans. and edited by Michael R. Katz. New York; London: W.W. Norton & Company, 1989. 245 p.

29. Dostoevsky, 1991 — *Dostoevsky F.* Notes from the Underground, and The Gambler / trans. by Jane Kentish. With an Introduction and Notes by Malcolm Jones. OUP Oxford, 1991. 284 p.

30. Dostoevsky, 1992 — *Dostoevsky F.* Notes from Underground / trans. by Mirra Ginsburg. With an Introduction by Donald Fanger. New York; Toronto; London; Sydney, Auckland: Bantam Books, 1992. 158 p.

31. Dostoevsky, 1993 — *Dostoevsky F.* Notes from Underground / trans. and annotated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York: Alfred A. Knopf, 1993. 136 p.

32. Dostoevsky, 2009a — *Dostoevsky F.* Notes from Underground and The Double / trans. by Ronald Wilks. With an Introduction by Robert Louis Jackson. London: Penguin Books, 2009. 342 p.

33. Dostoevsky, 2009b — *Dostoevsky F.* Notes from Underground / trans. by Boris Jakim. Grand Rapids, Michigan; Cambridge, UK: William B. Berdmans Publishing Company, 2009. 118 p.

34. Dostoevsky, 2014 — *Dostoevsky F.* Notes from Underground. Contemporary American English Kindle Edition, 2014.

35. Jackson, 1993 — *Jackson R.L.* Dialogues with Dostoevsky. Overwhelming Questions. Stanford University Press: Stanford, California, 1993. 348 p.

36. Kovalevskaya, 2021 — *Kovalevskaya T.V.* “Dostoevsky and Scholastic Theology: Points of Intersection” // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 1 (13). Pp. 106–123. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-1-106-123

37. Merriam-Webster — Dictionary by Merriam-Webster. URL: https://www.m-w.com (дата обращения: 10.05.2024).

38. Nadel, 2021 — *Nadel I.* Notes from Underground: In English // Literature of the Americas. 2021. № 11. Pp. 82–133.

39. Online Etymological Dictionary — Online Etymological Dictionary. URL: https://www.etymonline.com (дата обращения: 10.05.2024).

40. Thomas Aquinas, 2017 — *Thomas Aquinas.* Summa Theologiae / Second and Revised Edition, 1920. Literally translated by Fathers of the English Dominican Province. Online Edition Copyright © 2017 by Kevin Knight. URL: https://www.newadvent.org/summa/ (дата обращения: 10.05.2024).

41. Thomas de Aquino — *Thomas de Aquino*. Expositio in Symbolum Apostolorum. URL: https://www.corpusthomisticum.org/csv.html (дата обращения: 10.05.2024).

42. Urban Dictionary — Urban Dictionary. URL: https://www.urbandictionary.com (дата обращения: 10.05.2024).

References

1. Baudelaire, Charles. *Stikhotvoreniia v proze (Parizhskii splin). Fanfarlo. Dnevniki.* [*Poems in Prose (Paris Spleen). Le Fanfarlo. Diaries*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011. 249 p. (In Russ.)

2. Galtsova, E.D. "Perevody 'Zapisok iz podpol'ia' na frantsuzskii iazyk: voprosy lingvistiki, filosofii i izdatel'skoi politiki" ["French Translations of *Notes from Underground*: Linguistic and Philosophical Questions and of Publishing Policy"]. *"Zapiski iz podpol'ia" F.M. Dostoevskogo v kul'ture Evropy i Ameriki* [Notes from Underground *by F.M. Dostoevsky in the Culture of Europe and America*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 15–67. (In Russ.)

3. Grot, Ia.K., editor. *Slovar' tserkovno-slavianskogo i russkogo iazyka 4 v tomakh* [*Dictionary of the Old Church Slavonic and Russian Language in 4 vols*]. St. Petersburg, v tipografii Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1847. (In Russ.)

4. Dal', V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka v 4 tomakh* [*Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 vols*]. St. Petersburg; Moscow, Izd-e knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa Publ., 1880. (In Russ.)

5. Dilaktorskaia, O.G. *Peterburgskaia povest' Dostoevskogo* [*Dostoevsky's St. Petersburg Tales*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999. 348 p. (In Russ.)

6. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

7. Evgen'eva, A.P., editor. *Slovar' russkogo iazyka: v 4 tomakh* [*Dictionary of the Russian Language: in 4 vols*]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1981. (In Russ.)

8. Janin, Jules. "<Mysl' predpriniat' etot trud...>" ["The Idea of Undertaking this Work..."]. *Biblioteka dlia chteniia*, vol. 87, 1848, pp. 137–143 (second pagination). (In Russ.)

9. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova "realizma v vysshem smysle"* [*On the Creative Nature of the Word. Ontological Nature of the Word in Fyodor Dostoevsky's Works as the Basis of "Realism in the Highest Sense"*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 479 p. (In Russ.)

10. Kasatkina, T.A. "'Brat'ia Karamazovy': opyt mikroanaliza teksta" ["*The Brothers Karamazov*: Textual Microanalysis"]. Kasatkina, T.A., editor. *Brat'ia Karamazovy: sovremennoe sostoianie izucheniia* [The Brothers Karamazov*: Current State of Research*]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 283–319. (In Russ.)

11. Kasatkina, T.A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vyskazyvaniia* [*Dostoevsky Philosopher and Theologian: The Artistic Way of Expression*]. Moscow, Vodolei Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

12. Komissarov, V.N. *Obshchaia teoriia perevoda* [*General Translation Theory*]. Moscow, CheRo; Iurait Publ., 2000. 136 p. (In Russ.)

13. Lenskii, D.T. "Khorosha i durna, umna i glupa" ["Beautiful and Ugly, Smart and Stupid"]. *Russkii vodevil'* [*Russian Vaudeville*]. Compiled by N. Shantarenkov. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970, pp. 53–98. (In Russ.)

14. Mukhortov, D.S., and N.M. Gerasimenko. "Rasskaz F.M. Dostoevskogo 'Vechnyi muzh': v poiskakh reshenii izvechnykh problem perevoda" ["Fyodor Dostoevsky's 'The Eternal Husband': Seeking Solutions to Timeless Translation Challenges"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 22: Teoriia perevoda*, no. 4, 2021, pp. 18–38. (In Russ.)

15. Panova, O.Iu. "Opyt anglo-amerikanskikh perevodov povesti F.M. Dostoevskogo 'Zapiski iz podpol'ia' za sto let (1913–2014)" ["Fyodor Dostoevsky's *Notes from Underground*: A Hundred

Years of English Translations (1913–2014)"]. *"Zapiski iz podpol'ia" F.M. Dostoevskogo v kul'ture Evropy i Ameriki* [Notes from Underground *by F.M. Dostoevsky in the Culture of Europe and America*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 90–98. (In Russ.)

16. Saltykov-Shchedrin, M.E. "Strizhi. Dramaticheskaia byl'" ["Swifts: A Dramatic True Story"]. Saltykov-Shchedrin, M.E. *Sobranie sochinenii: v 20 tomakh* [*Collected Works: in 20 vols*], vol. 6. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965–1977, pp. 488–494. (In Russ.)

17. Stepanian, K.A. *"Soznat' i skazat": "Realizm v vysshem smysle" kak tvorcheskii metod F.M. Dostoevskogo* [*"To Cognize and To Say": "Realism in the Highest Sense" as Fyodor Dostoevsky's Creative Method*]. Moscow, Raritet Publ., 2005. 507 p. (In Russ.)

18. Thomas Aquinas. *Summa teologii* [*Summa theologiae*], vol. 1. Moscow, Signum Veritatis Publ., 2006. 814 p. (In Russ.)

19. Shamova, N.V. "Razgranichenie poniatii 'ekvivalentnost' i 'adekvatnost' v perevode ["Distinguishing the Concepts 'Equivalence' and 'Adequacy' in Translation"]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriia 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 2, 2005, pp. 171–180. (In Russ.)

20. Scheler, Max. *Resentiment v strukture moralei* [*Ressentiment in the Structure of Morals*]. St. Petersburg, Universitetskaia kniga Publ., 1999. 230 p. (In Russ.)

21. Dionisii (Shlenov), igum. "Uchenie prp. Nikity Stifata o 'chetyrekh glavnykh dobrodeteliakh' v kontekste antichnoi i vizantiiskoi literatury. Chast' I" ["The Doctrine of St. Nicetas Stethatus on the 'Four Main Virtues' in the Context of Ancient Byzantine Literature. Part I"]. *Bogoslovskii vestnik*, vol. 32, no. 1, 2019, pp. 192–209. (In Russ.) https://doi.org/10.31802/2500–1450–2019–32–192–209

22. Christa, Boris. "Dostoevskii and Money." Leatherbarrow, W.J., editor. *Cambridge Companion to Dostoevskii.* Cambridge University Press, 2002, pp. 93–110. (In English)

23. Dostoevsky, Fyodor. *Notes from the Underground.* Translated by Constance Garnett. URL: https://www.gutenberg.org/files/600/600-h/600-h.htm (Accessed 10 May 2024) (In English)

24. Dostoevsky, Fyodor. *Letters from the Underworld.* London, J.M. Dent & Sons Ltd.; New York, E.P.Dutton & Co. Inc., 1937. 348 p. (In English)

25. Dostoyevsky, Fyodor. *Notes from Underground, The Grand Inquisitor.* Selection, Introduction, and Translation by Ralph E. Matlaw. New York, E.P.Dutton & Co. Inc., 1960. 272 p. (In English)

26. Dostoevsky, Fyodor. *Notes from Underground. The Double.* Translated with an Introduction by Jessie Coulson. London, Penguin Books, 1972. 288 p. (In English)

27. Dostoevsky, Fyodor. *Notes from Underground, White Nights, The Dream of a Ridiculous Man, and Selections from The House of the Dead.* Trans. Andrew R. MacAndrew. New York, Signet Classics, 1980. 239 p. (In English)

28. Dostoevsky, Fyodor. *Notes from Underground.* Translated and edited by Michael R. Katz. New York; London, W.W. Norton & Company, 1989. 245 p. (In English)

29. Dostoevsky, Fyodor. *Notes from the Underground, and The Gambler.* Translated by Jane Kentish. With an Introduction and Notes by Malcolm Jones. OUP Oxford, 1991. 284 p. (In English)

30. Dostoevsky, Fyodor. *Notes from Underground.* Transl. by Mirra Ginsburg. With an Introduction by Donald Fanger. New York; Toronto; London; Sydney, Auckland, Bantam Books, 1992. 158 p. (In English)

31. Dostoevsky, Fyodor. *Notes from Underground*. Translated and annotated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York, Alfred A. Knopf, 1993. 136 p. (In English)

32. Dostoevsky, Fyodor. *Notes from Underground and The Double*. Translated by Ronald Wilks. With an Introduction by Robert Louis Jackson. London, Penguin Books, 2009. 342 p. (In English)

33. Dostoevsky, Fyodor. *Notes from Underground*. Translated by Boris Jakim. Grand Rapids, Michigan; Cambridge, UK, William B. Berdmans Publishing Company, 2009. 118 p. (In English)

34. Dostoevsky, Fyodor. *Notes from Underground*. Contemporary American English Kindle Edition, 2014. (In English)

35. Jackson, Robert Louis. *Dialogues with Dostoevsky. Overwhelming Questions.* Stanford, California, Stanford University Press, 1993. 348 p. (In English)

36. Kovalevskaya, T.V. "Dostoevsky and Scholastic Theology: Points of Intersection." *Dostoevskii i mirovaia kultura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (13), 2021, pp. 106–123. (In English) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-1-106-123

37. *Dictionary by Merriam-Webster*. Available at: https://www.m-w.com (Accessed 10 May 2024) (In English)

38. Nadel, Ira. "Notes from Underground: In English." *Literature of the Americas*, no. 11, 2021, pp. 82–133. (In English)

39. *Online Etymological Dictionary*. Available at: https://www.etymonline.com (Accessed 10 May 2024) (In English)

40. Thomas Aquinas. *Summa Theologiae*. Second and Revised Edition, 1920. Literally translated by Fathers of the English Dominican Province. Online Edition Copyright © 2017 by Kevin Knight. Available at: https://www.newadvent.org/summa/ (Accessed 10 May 2024) (In English)

41. Thomas de Aquino. *Expositio in Symbolum Apostolorum*. Available at: https://www.corpusthomisticum.org/csv.html (Accessed 10 May 2024) (In Latin)

42. *Urban Dictionary*. Available at: https://www.urbandictionary.com (Accessed 10 May 2024) (In English)

Статья поступила в редакцию: 28.07.2024
Одобрена после рецензирования: 19.08.2024
Дата публикации: 25.12.2024

The article was submitted: 28 July 2024
Approved after reviewing: 19 Aug. 2024
Date of publication: 25 Dec. 2024